

А. А. Пономарева

Новосибирск, Россия

СЮЖЕТНАЯ СИТУАЦИЯ ГУВЕРНАНТКА В СОСТОЯТЕЛЬНОЙ СЕМЬЕ В РУССКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Рассматриваются типологические свойства сюжетной ситуации *гouverнантка в состоятельной семье*, вошедшей в сюжетный репертуар русской классической литературы в 1830-е гг. и ставшей часто возобновляемой на протяжении второй половины XIX в. Инвариант данной сюжетной ситуации таков: молодая девушка определяется гувернанткой в дворянскую / иную состоятельную семью. Члены семьи относятся к ней благосклонно. Однако со временем обостряется зависимость героини от семьи, в которой она живет, что и составляет причину конфликта. Разрешение сюжетной коллизии различно: гувернантка добровольно покидает дом / ей отказывают от места / героиня остается в доме. В статье представлено три варианта данной сюжетной ситуации, выявленные путем анализа беллетристических и классических произведений XIX в. Эти варианты отличаются друг от друга характером центральной коллизии, составом действующих лиц, но семантический потенциал инварианта неизменно сохраняется. Общая семантика сюжетной ситуации на протяжении всего XIX в. восходит к социальной проблематике. В целом можно говорить о том, что, несмотря на частотность, сюжетная ситуация *гouverнантка в состоятельной семье* занимает периферийное место в сюжетном репертуаре русской классической литературы. В плане конфликта, центральной коллизии, характерологии данная сюжетная ситуация сближается с более частотными сюжетными ситуациями: *невинно гонимая сирота*, *воспитанница в состоятельной семье* и *учитель на кондичии*.

Ключевые слова: сюжетная ситуация, сюжетный репертуар XIX века, русская классическая литература, вариант и инвариант сюжетной схемы, структура и семантика сюжета.

Гouverнантка является характерным персонажем русской литературы. Она упоминается более чем в семидесяти произведениях XIX века¹. Первые произведе-

---

¹ Укажем лишь некоторые тексты: повесть Ф. В. Булгарина «Похождения французского гувернера во время пребывания в России» (1830), рассказ О. М. Сомова «Роман в двух письмах» (1832), роман Н. И. Греча «Черная женщина» (1834), роман М. Н. Загоскина «Искуситель» (1838), повести А. С. Пушкина «Барышня-крестьянка» (1830) и «Дубровский» (1833), повесть И. И. Панаева «Барышня» (1844), повесть Н. Станицкого «Семейство Тальниковых» (1848), роман Е. П. Растопчиной «Счастливая женщина» (1851),

Пономарева Анастасия Александровна – аспирантка Новосибирского государственного педагогического университета (ул. Виллюйская, 28, Новосибирск, 630090; anastasiya.ponomareva.92@inbox.ru; +7 961 877 90 50)

дения, в которых обнаруживается этот персонаж, относятся к 1830-м гг. По нашим наблюдениям, наибольшая частотность обращения к фигуре гувернантки характерна для второй половины XIX в. Чаще всего гувернантка только упоминается в сюжете и вводится в повествование для того, чтобы передать колорит дворянского быта. Однако есть и такие произведения, в которых героиня наделяется собственной сюжетной линией. В ее основе лежит сюжетная ситуация *гувернантка в состоятельной семье*.

Задача настоящей статьи – выявить типологические свойства сюжетной ситуации и определить ее место в сюжетном репертуаре русской классической литературы. Возьмем за основу следующие произведения: повесть А. С. Пушкина «Барышня-крестьянка» (1830), повесть И. И. Панаева «Барышня» (1844), драму А. А. Потехина «Шуба овечья – душа человечья» (1855), повесть Н. П. Шаликовой «Семейные сцены» (1856), роман А. К. Шеллера-Михайлова «Господа Обносковы» (1868), романы Л. Н. Толстого «Война и мир» (1863–1869) и «Анна Каренина» (1877), роман К. М. Станюковича «Без исхода» (1870-е) и повесть «Червонный валет» (1877), рассказ Н. С. Лескова «Сеничкин яд» (1883), очерковый цикл М. Е. Салтыкова-Щедрина «Мелочи жизни» (1887), рассказы А. П. Чехова «Размазня» (1883), «Переполох» (1886) и «Зиночка» (1887).

К ведущим признакам, позволяющим выделить сюжетную ситуацию *гувернантка в состоятельной семье*, относятся повторяемость, устойчивость семантического ядра, сюжетная вариативность по отношению к инварианту, воспроизводимость структурной модели. Данная сюжетная ситуация может быть как исходным положением, которое определяет дальнейшее развитие событий, так и продуцирующей основой сюжетных реализаций [1, с. 75–78].

Инвариант сюжетной ситуации *гувернантка в состоятельной семье* может быть представлен следующим образом: молодая девушка определяется гувернанткой в дворянскую / иную состоятельную семью. Члены семьи относятся к ней благосклонно. Однако со временем обостряется зависимость героини от семьи, в которой она живет, что и составляет причину конфликта. Разрешение сюжетной коллизии различно: гувернантка добровольно покидает дом / ей отказывают от места / героиня остается в доме.

Инвариант сюжетной ситуации *гувернантка в состоятельной семье* воплощен в трех вариантах. Рассмотрим эти варианты подробнее.

Фабульная основа первого варианта может быть представлена следующим образом: бедная молодая девушка занимает должность гувернантки в обеспеченной семье. Ею увлекается отец семейства / старший брат воспитанницы / воспитанника. Герой соблазняет молодую девушку, находящуюся в зависимом от него положении, в отдельных произведениях героиня отвечает взаимностью на его чувства. Разрешением сюжетной коллизии во всех случаях становится раскрытие тайной

повести Л. Н. Толстого «Детство», «Отрочество» (1850-е), повесть А. Ф. Писемского «Фанфарон» (1854), роман Д. В. Григоровича «Переселенцы» (1855), драма А. А. Потехина «Шуба овечья – душа человечья» (1855), роман М. В. Авдеева «Тамарин» (1855), повесть Н. П. Шаликовой «Семейные сцены» (1856), роман А. К. Шеллера-Михайлова «Господа Обносковы» (1868), роман И. В. Оммулевского «Шаг за шагом» (1870), роман А. Ф. Писемского «В водовороте» (1871), рассказ Н. С. Лескова «Сеничкин яд» (1883), повесть Н. Д. Ахшарумова «Концы в воду» (1872), роман К. М. Станюковича «Без исхода» и повесть «Червонный валет» (1877), повести А. Н. Анненской «Трудная борьба» (1889) и «Анна» (1881), повесть Ф. М. Решетникова «Горнорабочие» (1886), очерковый цикл М. Е. Салтыкова-Щедрина «Мелочи жизни» (1887), роман А. И. Эртеля «Гарденины, их дворня, приверженцы и враги» (1889), роман И. Н. Потапенко «Не герой» (1891), очерк И. А. Гончарова «Май месяц в Петербурге» (1892), рассказы А. П. Чехова «Размазня», «Зиночка», «Переполох», «Дочь Альбиона», «Дорогие уроки», «Нервы» и др.

связи героев, последующий отказ от места и отъезд гувернантки из дома. Вариант: гувернантка сама уходит из дома, для того чтобы избавиться от преследований поклонника (в редких случаях сюжетная коллизия завершается браком героев). Данный вариант сюжетной ситуации является наиболее частотным в русской литературе XIX века.

Основу рассматриваемой сюжетной ситуации составляет социальная проблематика. Молодая девушка занимает место гувернантки в состоятельной семье из крайней нужды. Уходя жить в «чужие люди», она жертвует собой ради спасения обедневших родителей или иных родственников. Довольно часто жизнь героини в богатой семье сравнивается с положением бесправной «сиротки».

В повести И. Панаева «Барышня» интересующая нас сюжетная реализация встречается дважды. В первом случае она лежит в основе истории, которую рассказывает приехавшая гувернантка. История героини развивается в мелодраматическом ключе: бедная девушка, дочь разорившихся дворян, спасая семью от голода, заступает на место гувернантки в дворянскую семью. Через некоторое время отец семейства признается ей в любви, и героиня, для того чтобы избавиться от ухаживаний поклонника, уходит из дома, рассказав обо всем матери семейства (подобное развитие событий отчасти напоминает историю сестры Раскольникова в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание»). Здесь сюжетная ситуация *гувернантка в состоятельной семье* является частью сюжета. В повести задается традиционное развитие коллизии: благонамеренный отец семейства тайно помышляет о романе с молодой гувернанткой. Однако данная ситуация не реализуется. Робкий герой, несмотря на ухаживания «честной» девушки, остается верен жене. Сюжетная коллизия здесь заканчивается отказом гувернантке от места из-за раскрытия ее тайной связи с офицерами, с которыми она заигрывала, живя в дворянском доме.

В центре сюжета драмы Потехина «Шуба овечья – душа человечья» – молодая девушка, крестьянка по происхождению. Как и в повести Панаева «Барышня», героиня, становясь гувернанткой, жертвует собой ради спасения семьи: она берет деньги у богатой генеральши для выкупа брата. На первый план в драме выходит любовная коллизия. Гувернанткой увлекается молодой любовник Софьи Павловны. Пользуясь беззащитностью героини, он пытается ее соблазнить. Генеральша, узнав об этом, начинает выживать гувернантку из дома. Она решает отомстить ей, выдав замуж за секретаря уездного суда, никчемного молодого человека. Однако бедную девушку спасает состоятельный дворянин, жених ее воспитанницы. Сюжетная коллизия получает благополучно-мелодраматическую развязку: богатый дворянин женится на бедной гувернантке, которую всегда тайно любил, и выплачивает ее долг.

В разночинской литературе причина ухода героини в гувернантки изменяется: цель девушки состоит не столько в зарабатывании денег, сколько в получении независимости. В романе Писемского «В водовороте» Елена, дочь обедневшей дворянки-содержанки, по выходе из училища решает начать честную трудовую жизнь и заступает на место гувернантки: «...дочь объявила матери, что она ничем не будет ее стеснять и уйдет в гувернантки, и действительно ушла; но через месяц же возвратилась к ней снова, говоря, что частных мест она больше брать не будет, потому что в этом положении надобно сделаться или рабою, служанкою какой-нибудь госпожи, или предметом страсти какого-нибудь господина, а что она прищет себе лучше казенное или общественное место и будет на нем работать» [2, с. 31–32]. Уход героини в гувернантки в данном контексте синонимичен уходу молодых людей, разночинцев, в домашние учителя. Герои отправлялись на кондичии единственно из желания поскорее уйти из семьи (ср. Бажин «Степан Рулев»).

В первом варианте сюжетной ситуации *гувернантка в состоятельной семье* возникает мотив соперничества в любви привлекательной гувернантки и некрасивой матери семейства. В романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина» ссора Облонских происходит из-за того, что Долли случайно узнает об измене мужа с молодой гувернанткой-француженкой: «Правда, нехорошо, что она была гувернанткой у нас в доме. Нехорошо! Есть что-то тривиальное, пошлое в ухаживанье за своею гувернанткой. Но какая гувернантка! (Он живо вспомнил черные плутовские глаза m-lle Roland и ее улыбку.)» [3, с. 10]. Открытого соперничества здесь не возникает: гувернантка задолго до этого события покинула дом Облонских.

Чаще всего матери семейства, узнав о тайной связи мужа с гувернанткой, стараются выжить героиню из дома. В повести К. М. Станюковича «Червонный валет» гувернанткой главного героя, немкой Каролиной Карловной, увлекается отец семейства. Это обстоятельство становится известно ревливой жене. Героиня начинает следить за отношениями мужа и гувернантки, для того чтобы, уличив героя в измене, отказать молодой немке от дома. Однако традиционная любовная коллизия в повести Станюковича осложняется. Гувернанткой увлекается также ее воспитанник, четырнадцатилетний Жорж. Однажды ученик становится свидетелем любовного свидания отца и немки в саду. Каролина Карловна, боясь, что герой раскроет тайну ревливой матери, соглашается стать и его любовницей. Сюжетная коллизия в данном случае завершается раскрытием связи героев (Жорж рассказывает о своих похождениях в горячечном бреде) и последующим отказом гувернантке от места.

Иначе развивается мотив соперничества героинь в очерковом цикле М. Е. Салтыкова-Щедрина «Мелочи жизни». Мать семейства, обнаружив связь мужа с гувернанткой-немкой, сдерживает свою ревность и закрывает глаза на правду: «Софья Михайловна, в свою очередь, ничего доказать не могла и только целыми днями дулась. Можно было предвидеть, что немке недолго ужиться у нее, если бы Софья Михайловна не сообразила, что ежели откажет гувернантке то, чего доброго, Ардальон Семеныч и на стороне ее устроит» [4, с. 174]. Отметим, что подобный поворот в развитии коллизии крайне редок.

Интерес представляет чеховская переработка сюжетной ситуации *гувернантка в состоятельной семье*. Данная сюжетная ситуация лежит в основе раннего юмористического рассказа «Зиночка». Рассказ строится на сложном соотношении действия (истории первой влюбленности гувернантки в брата ученика) и повествования о нем. После охоты штаб-офицер рассказывает своим друзьям историю, произошедшую с ним в детстве: однажды он стал невольным свидетелем любовного объяснения брата и гувернантки. Чехов в своем рассказе использует традиционную сюжетную схему: гувернанткой увлекается старший брат воспитанника – героиня отвечает взаимностью на чувства молодого человека – герои признаются друг другу в любви – происходит открытие тайны героев – гувернантке отказывают от дома. Однако традиционная фабульная схема в юмористическом дискурсе получает иную реализацию. В центре фабулы оказывается анекдотическое событие – внезапное появление «злого» мальчика во время любовного свидания героев (ср. «Злой мальчик»). Герой, вместо того чтобы решать задачу, следует за девушкой, которая, как он думает, пользуясь отсутствием строгих родителей, побежала в сад есть черешни. Однако мальчик обнаруживает гувернантку в объятиях брата Саши. Герой, узнав тайну влюбленных, начинает шантажировать их. В результате Петя все-таки раскрывает секрет матери, и она постепенно выживает героиню из дома. В юмористическом контексте традиционная сюжетная коллизия получает благополучную развязку: влюбленные герои соединяются в счастливом браке. В рассказе Чехова используется «пустая» сюжетная схема ситуации *гувернантка в состоятельной семье*, лишенная своего традиционного семантического напол-

нения. Несмотря на семантическую «пустотность» анекдотической фабулы, в рассказе «Зиночка» возникает сложный «психологический парадокс» (И. Н. Сухих): рассказчик приходит к выводу, что «ненависть так же не забывается, как и любовь». Зиночка не прощает своего повзрослевшего ученика.

Итак, любовная коллизия, ядерная проблематика сближает первый вариант сюжетной ситуации *гувернантка в состоятельной семье* с сюжетной ситуацией *невинно гонимая сирота* [1, с. 103], героиня которой также находится в зависимом положении и вынуждена терпеть ухаживания со стороны некоторых членов семьи (ср. Жадовская «В стороне от большого света»). В том случае, когда героиня отвечает взаимностью на чувства влюбленного в нее героя, сюжетная ситуация *гувернантка в состоятельной семье* сближается с сюжетной ситуацией *учитель на кондиции* [5, с. 42], для которой характерны те же фабульные элементы: приезд героя в дом – влюбленность в сестру ученика – признание в любви – раскрытие тайны – отказ от дома.

Фабульная основа *второго варианта* сюжетной ситуации *гувернантка в состоятельной семье* может быть представлена так: молодая девушка, без определенного положения в обществе, занимает должность гувернантки в состоятельной семье. В скором времени она приобретает расположение всех членов семьи. Однако девушка, несмотря на их хорошее отношение, чувствует зависимость своего положения. Способ, позволяющий гувернантке стать свободной, – брак с состоятельным молодым человеком. Далее возникает два варианта развития сюжетной коллизии. Первый – гувернантка, не предпринимая никаких решительных действий, ждет появления освободителя. Второй вариант развития коллизии – героиня пытается соблазнить приезжего молодого человека, знакомого той семье, в которой она живет. Герой в свою очередь либо «подыгрывает» героине и пытается ее соблазнить, либо не обращает внимания на ухаживания гувернантки, поскольку влюблен в ее воспитанницу. Как правило, сюжетная коллизия в данном случае не заканчивается браком героев. Основу этого варианта сюжетной ситуации по-прежнему составляет социальная проблематика, однако здесь она выражена менее ярко.

Первый вариант реализуется в повести Пушкина «Барышня-крестьянка». Англичанка мисс Жаксон, «сорокалетняя чопорная девица», начитавшись романа Ричардсона «Памела, или Вознагражденная добродетель» (героиня которого поставлена в положение, синонимичное положению гувернантки в состоятельной семье), стала терпеливо ожидать своего освободителя. Возможным претендентом на эту роль оказался приехавший Алексей Берестов: «К несчастью, вместо Лизы, вошла мисс Жаксон, набеленная, зятая, с потупленными глазами <...>» [6, с. 105]. Однако молодой человек не обратил никакого внимания на гувернантку.

Второй вариант реализуется в произведениях, в которых гувернантка – французка. Героиня при появлении подходящего кандидата начинает действовать в рамках заранее придуманного «сценария». В основе этого «сценария» лежит узнаваемое сентиментальное клише – сюжетная ситуация *соблазненная и покинутая* [1, с. 109]. Однако данная ситуация преобразуется: актуализируется только первая часть – соблазнение героини, вторая же часть (бегство соблазнителя) заменяется на счастливое разрешение – брак героев. Характерно, что гувернантка, играющая роль жертвы в сентиментальной истории, на самом деле является соблазнительницей: именно она старается увлечь молодого человека.

В романе Толстого «Война и мир» «сценарий», по которому действует гувернантка-французка при появлении Анатоля, открыто формулируется: «У m-lle Воигенне была история, слышанная ею от тетки, доконченная ею самой, которую она любила повторять в своем воображении. Эта была история о том, как соблаз-

ненной девушке представлялась ее бедная мать, “sa pauvre mere”, и упрекала ее за то, что она без брака отдалась мужчине. M-Ile Bourienne часто трогалась до слез, в воображении своем рассказывая ему, соблазнителю, эту историю. Теперь этот он, настоящий русский князь, явился. Он увезет ее, потом явится “ma pauvre mere”, и он женится на ней. Так складывалась в голове m-Ile Bourienne вся ее будущая история <...>» [6, с. 154]. Анатолий включается в «сценарий» француженки и ведет себя как герой-соблазнитель: он замечает превосходство бедной гувернантки над русскими князьями – кокетничает с ней – пытается соблазнить. Однако «сценарий» француженки не воплощается в жизнь: мешает княжна Марья, которая случайно сталкивается с Анатолием и гувернанткой в саду во время их любовного свидания.

В разночинском романе Станюковича «Без исхода» гувернантка-француженка Ленорм, напоминая своими характерологическими чертами толстовскую героиню, также имеет «сценарий», но в его основе лежит уже иное литературное клише: героиня мечтает уйти из дома «пошлых» дворян Стрекаловых, в котором ей «душно», и, поступив на сцену, стать содержанкой богатого городского главы. Неожиданный приезд Черемисова, домашнего учителя детей Стрекаловых, нарушает продуманный план. Гувернантка решает соблазнить молодого человека, для того чтобы он, женившись, «освободил» ее. Однако герой остается холоден к признаниям француженки и не подключается к задуманному плану.

Во втором варианте сюжетной ситуации *гувернантка в состоятельной семье* возникает мотив соперничества в любви гувернантки и ее воспитанницы / иной молодой родственницы. Наиболее резко столкновение между героинями представлено в том случае, когда гувернантка – француженка. Мадемуазель Бурьен, несмотря на свое низкое социальное положение, чувствует внешнее превосходство над некрасивой княжной Марьей. Анатолий как светский молодой человек отдает предпочтение привлекательной гувернантке, а не ее подруге. В романе Станюковича «Без исхода» разрешение любовного соперничества иное: Черемисов влюбляется в дочь Стрекаловых, просвещенную молодую девушку, желающую начать «новую» трудовую жизнь, а не в красивую француженку.

Интересен вариант сюжетной ситуации, развивающийся в повести Н. П. Шаликовой «Семейные сцены». Француженка Эрнестина Федоровна, желая угодить матери семейства, становится посредницей между героиней и ее молодым любовником. Когда одно из любовных писем попадает в руки отца семейства, гувернантка берет на себя вину госпожи, ожидая за это хорошее вознаграждение. Однако в результате героиня покидает дом ни с чем.

Разрешение сюжетной коллизии во втором варианте сюжетной ситуации различно. Первый случай – героиня, пережив увлечение приезжим молодым человеком, остается жить в состоятельной семье («Война и мир»). Второй случай – героиня добровольно покидает дом. В романе Станюковича «Без исхода» француженка, благодаря влиянию просвещенного молодого человека, уходит из семьи «пошлых» дворян и начинает «новую» независимую жизнь. И третий случай, редкий в русской литературе, – героиня-иностранка выходит замуж за состоятельного человека (роман А. К. Шеллера-Михайлова «Господа Обносков»). Заметим, что в данном романе история гувернантки контаминирует с сюжетной ситуацией *вынужденный брак* [1, с. 112]: бедная героиня соглашается выйти замуж от безысходности.

Итак, второй вариант сюжетной ситуации *гувернантка в состоятельной семье* синонимичен сюжетной ситуации *воспитанница в доме богатых родственников* [1, с. 104], героиня которой также находится в зависимом положении и мечтает через замужество получить свободу (ср. повесть Пушкина «Пиковая дама»).

Фабульная основа третьего варианта сюжетной ситуации *гувернантка в состоятельной семье* может быть представлена таким образом: молодая девушка определяется гувернанткой в состоятельную семью. Бедная героиня чувствует чуждость в богатой семье, что и составляет причину центрального конфликта. Внезапное происшествие в семье (невыплата жалованья / кража / бегство воспитанницы с возлюбленным и т. п.) обнаруживает бесправность гувернантки. Разрешением сюжетной коллизии становится добровольный уход героини из семьи, в которой ее оскорбляют / отказ гувернантке от места. В редких случаях история заканчивается счастливым примирением героев. Любовная коллизия здесь полностью отсутствует. Данный вариант наименее частотный в русской литературе и встречается в редких произведениях второй половины XIX века.

Интерес представляет чеховский вариант рассматриваемой сюжетной ситуации. В юмористическом рассказе «Размазня» бесправность гувернантки в состоятельной семье представлена в иронической модальности. Герой, решив проучить молодую девушку, вычитает крупную сумму из жалованья за проступки, в действительности ею не совершенные. Однако героиня, видя несправедливость, не осмеливается спорить с отцом ученика. Сюжетная ситуация в юмористическом контексте получает благополучную развязку – герой, проучив слишком робкую гувернантку, отдает ей положенные деньги: «Я пошутил над вами, жестокий урок дал вам... Я отдам вам все ваши восемьдесят! Вон они в конверте для вас приготовлены! Но разве можно быть такой кислятиной? Отчего вы не протестуете? Чего молчите? Разве можно на этом свете не быть зубастой? Разве можно быть такой размазней? Она кисло улыбнулась, и я прочел на ее лице: “Можно!”» [7, т. 4, с. 63]. В рассказе «Переполох» Чехов вновь обращается к сюжетной ситуации *гувернантка в состоятельной семье*. Однако здесь она получает иное развитие. Семантическое ядро сюжетной ситуации по-прежнему составляет социальная проблематика: «Машенька вошла в свою комнату, и тут ей в первый раз в жизни пришлось испытать во всей остроте чувство, которое так знакомо людям зависимым, безответным, живущим на хлебах у богатых и знатных» [7, т. 4, с. 331]. Тема социального неравенства связывается здесь с мотивом наготы. Этот мотив возникает уже в начале рассказа. Горничная жалуется вернувшейся Машеньке на то, что господа «раздевали всех догола и обыскивали». Гувернантка не подвергается подобному осмотру, однако обыск ее комнаты уподобляется обнажению. В тексте неоднократно подчеркивается, что это была «ее комната», «своя маленькая комнатка», «ее стол», «ее сумка», «ее вещи». Хозяйка вторгается в пространство, которое героиня считает частью себя. Обыск в комнате для гувернантки становится оскорблением, равнозначным обнажению уличной женщины: «Никогда еще над нею не совершали такого насилия, никогда еще ее так глубоко не оскорбляли, как теперь... Ее, благовоспитанную, чувствительную девицу, дочь учителя, заподозрили в воровстве, обыскали, как уличную женщину! Выше такого оскорбления, кажется, и придумать нельзя» [7, т. 4, с. 331]. Последним шагом в оскорблении должно стать реальное обнажение во время предполагаемого ареста: «Если ее могли заподозрить в воровстве, то, значит, могут теперь арестовать, раздеть догола и обыскать, потом вести под конвоем по улице, засадить в <...> камеру» [7, т. 4, с. 331]. В ситуации «переполоха» героиня понимает, что за нее некому заступиться: родители живут в провинции, в столице она одна, как «в пустынном поле». В данной ситуации у гувернантки происходит внутренний переворот, своего рода прозрение. Она вдруг понимает, что не может больше оставаться в аристократическом доме («погребе», как его называет отец семейства) в окружении «красных, как рак» слуг, хозяйки с «красными руками», ее мужа с «красным носиком». Разрешением сюжетной коллизии в данном случае является добровольный уход героини из дома Кушкиных, в котором ей «душно и жутко».

В русской литературе XIX века есть группа произведений, в которых сюжетная ситуация *гувернантка в состоятельной семье* не развивается, но потенциально задается: молодой девушке, оказавшейся в сложной жизненной ситуации (умерли родственники / семья оказалась в крайней нужде и т. п.), предлагают занять место гувернантки, но героиня не соглашается на это, потому что не желает терпеть унижения и оскорбления в состоятельной семье (Шеллер-Михайлов «Господа Обносковы», Боборыкин «Китай-город», Ахшарумов «Концы в воду» и др.). Потенциальная возможность без реализации свидетельствует об устойчивости и продуктивности семантики сюжетной ситуации.

В заключение подытожим наблюдения: сюжетная ситуация *гувернантка в состоятельной семье* структурно варьируется (наиболее устойчивы три варианта), но семантический потенциал инварианта неизменно сохраняется. Варианты могут отличаться друг от друга характером центральной коллизии, составом действующих лиц, при этом общая семантика сюжетной ситуации на всем протяжении XIX века восходит к социальной проблематике эпохи. В целом же можно констатировать, что, несмотря на частотность, сюжетная ситуация *гувернантка в состоятельной семье* занимает периферийное место в сюжетном репертуаре русской классической литературы, ее сюжетогенный потенциал оказывается крайне низким. Довольно устойчивы и «валентности» ситуации: в плане конфликта, центральной коллизии, характерологии она сближается с более частотными сюжетными ситуациями – *невинно гонимая сирота*, *воспитанница в состоятельной семье* и *учитель на кондичии*.

Список литературы

1. Печерская Т. И., Никанорова Е. К. Сюжеты и мотивы русской классической литературы: Учеб. пособие. Новосибирск, 2010.
2. Писемский А. Ф. Полн. собр. соч.: В 24 т. М.; СПб., 1896. Т. 14.
3. Толстой Л. Н. Собр. соч.: В 8 т. М., 2006. Т. 4.
4. Салтыков-Щедрин М. Е. Полн. собр. соч.: В 12 т. СПб., 1895. Т. 5.
5. Печерская Т. И., Пономарева А. А. *Учитель на кондичии* в сюжетном репертуаре русской классической литературы // Сибирский филологический журнал. 2013. № 2.
6. Толстой Л. Н. Война и мир: В 2 т. М., 2009. Т. 1.
7. Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч. М., 1974–1983.

A. A. Ponomareva

Novosibirsk, Russian Federation

PLOT SITUATION *A GOVERNESS IN A WEALTHY FAMILY* IN RUSSIAN CLASSICAL LITERATURE

The article deals with the typological features of the plot situation *A Governess in a Wealthy Family* that appeared in the plot repertory of Russian classical literature in the 1830s and took its stand during the second half of the XIX century. The invariant of this plot situation is the following: a young woman is employed as a governess by a wealthy family. She is kindly treated by the members of the family. However, the character gradually becomes dependent on the family, and the conflict arises. The denouement varies: the governess may take a decision to leave the house,

Литературная жизнь сюжета

she is rejected or may stay in the house. The article describes the mentioned above three types of this plot situation by analysing some pieces of fiction and classical works in the Russian literature of the XIX century. These types differ from each other in their central collision and characters, but the semantic potential of the invariant stays the same. During the XIX century the general semantics of the plot situation appeals to social problems. Despite the frequency of occurrence, the position of the plot situation *A Governess in a Wealthy Family* may be considered peripheral in the plot repertory of Russian classical literature. As for conflicts, central collision and character analysis, this plot situation is close to the following more frequent situations: *an innocent orphan that is unkindly treated, a foster child in a wealthy family and a teacher on special terms.*

Keywords: plot situation, plot repertory of XIX century, variant and invariant of plot scheme, plot structure and semantics.

Ponomareva Anastasia A. – aspirant of Novosibirsk State Pedagogical University (28 Viljuskaja Str., Novosibirsk, 630090; anastasiya.ponomareva.92@inbox.ru; +7 961 877 90 50)